

ВЛАДИМИР ГАЙ
ПУТЕШЕСТВИЕ
В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛКОНОСТ ~ 2016

ВЛАДИМИР ГАЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Фантастическая повесть

Перевод Н. Семиренко

БІБЛІОТЕКА ПРИГОД НА СУХОДОЛІ, НА МОРІ І В ПОВІТРІ

ВОЛОДИМИР ГАЙ.

МАНДРІВКА В БЕЗВІСТЬ

Фантастична повість

На чужині

1947

ЧЕТВЕРО СМЕЛЫХ

Четыре оборванных и утомленных существа медленно брели по скользкому льду глетчера, направляясь к засыпанному снегом горному перевалу. На них была убогая одежда и ботинки на грубых деревянных подошвах. Среди них были две женщины.

Стройная и красивая кареглазая девушка, чья жизнь стала последней ставкой в игре с фортуной, на минуту остановилась, осматривая величественный и суровый альпийский пейзаж, который все яснее вырисовывался в утренней сизой мгле. Но она была слишком взволнована и устала, чтобы любоваться горами чужой и негостеприимной земли. Ей казалось, что сами горы, не только люди, караулят ее с друзьями поблизости от границы.

С юго-востока налетел шквал теплого ветра. Елена Ярош чувствует в нем особенные, еще неведомые терпкие ароматы. Она завидует ветру и шепчет ему, словно чему-то живому:

— Как ты свободен! Для тебя нет никаких границ...

И, взглянув на юг, она добавила, обращаясь к своим спутникам:

— Там, за горами, Швейцария...

И в ее голосе чувствуется какое-то особое уважение и даже любовь к этому простому географическому названию.

— А дальше Франция! Если бы нам удалось добраться туда... — сказал молодой чернявый парень.

— Иначе — смерть! — коротко, словно судья, произносящий суровый приговор, добавил Ярослав Доморацкий, молодой человек с мужественным лицом.

Это лицо, давно не бритое, поросло золотисто-русой щетиной.

— Боже! Дай нам сил перейти границу... — шепчет Елена.

Но чем ближе к заветной цели, тем более рискованным представляется их план.

Талантливая львовская скрипачка Елена Ярош была хорошо

известна на родине, но неожиданная война принесла ей много бед. Ее семья погибла и она, вместе со многими земляками, была привезена в государство нацистов на правах рабыни. Но ее натура не могла привыкнуть к лагерю с колючей проволокой и принудительному труду.

Рискуя жизнью, она решила бежать в нейтральную страну, а затем добраться до южной Франции, где жила ее старшая сестра — знаменитая киноактриса.

Вместе с земляками и друзьями по несчастью она бежала во время страшного воздушного налета и после тяжелого семидневного путешествия пешком добралась до Альп.

Их ноги были в кровавых ранах, и только непобедимая воля к жизни подгоняла этих людей.

— Еще немного усилий, Ярослав! — говорит Елена своему спутнику, молодому талантливому скульптору. — Когда нам удастся перейти границу, я бесплатно дам сотню концертов. Везде ведь любят хорошую музыку.

— Это будут замечательные концерты. Я слышал твою скрипку в нашем родном Львове.

— Неужели слышал, Ярослав?

— Да, Елена! Вот доживем до конца войны, я вернусь сюда и высеку из камня памятник четверем смелым.

— А я напишу стихи. Поэму о последнем шансе, — добавил Юрий.

— Я простая крестьянка и скромнее вас... Если перейдем, я готова испечь большой хлеб и без всяких карточек раздать голодным.

— Хлеб... Он бы сейчас пригодился... хорошо было бы съесть хотя бы корочку, — добавила Елена.

— Кстати, друзья! Время завтракать, но в нашей торбе осталась одна сырая свекла, — сказала Мария и, разрезав свеклу на четыре части, раздала спутникам.

Они молча ели жалкий завтрак и, не останавливаясь, шли дальше.

Раздалось несколько выстрелов и она упала...

Белые облака, как завеса, скрыли от путников весь мир... Холодный мартовский ветер швырял в их лица горсти острых ледяных игл.

По снежному склону горы прямо к ним мчались три лыжника.

— Пограничная стража! — воскликнул Ярослав.

— Злой дух послал их! — ответила Елена.

— Хенде хох! — воскликнул один из пограничников, поднимая карабин.

— Прощайте, друзья! Лучше разбиться о камни! — крикнула Елена и метнулась в сторону, собираясь броситься в пропасть.

Раздалось несколько выстрелов и она упала. Горячая кровь окрасила снег.

— Я не дошла до цели! — прошептала девушка.

Над ней склонился Ярослав. У него большие и затуманенные, словно спелые сливы, глаза. В них столько невыразимой печали. Бездна надежды положения еще больше расстроила Елену.

— К счастью, пуля не задела кость, — сказал он, перевязывая раненую ногу.

— К чему это! Жаль, что пуля не попала в сердце!

— Елена, успокойся! Может, еще не все кончено.

— Ярослав! Ты же знаешь, что теперь нас расстреляют как собак... Попробуйте бежать втроем.

— Я тебя не оставлю.

— Умоляю тебя, Ярослав — беги ...

Воинская команда прервала их короткий разговор.

— Марширен! — приказал вахтмайстер.

Двое мужчин подняли раненую на плечи. Печальная процессия медленно спускалась с горы.

К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Елена Ярош стояла перед судьей, который однообразным и равнодушным голосом читал ей приговор.

«За дезертирство во время воздушного налета с фабрики военного значения и попытку побега за границу, согласно законам военного времени, обвиняемая Елена Ярош, украинка, возраст двадцать два года, приговаривается к смертной казни».

Рой каких-то фантастических фиолетовых пчел, испещренных золотыми крапинками, разлетелся перед глазами девушки.

Судья глянул на осужденную зелеными, как вода, глазами и спросил:

— Вам понятен приговор?

Елена молчала.

— Вас привезли в Германию на работу. Но вы пытались бежать. Преступления, совершенные во время воздушного налета, караются смертью. Теперь понятно?

— Да, — равнодушно ответила осужденная, — но зачем эти гадкие и глупые формальности? Я давно приготовилась к смерти. Она даже не страшит меня и кажется единственным спасением от ужаса войны и насилия человека над человеком...

Двое полицейских не дали ей договорить последнее слово и отвели осужденную в небольшую камеру.

— Мария! — в отчаянии воскликнула Елена, увидев свою подругу. — Меня приговорили к смерти!

— Сегодня ночью мы расстанемся с жизнью, — ответила Мария. — Ах, как я устала, Елена!

— Помолимся, Мария!

Осужденные опустились на колени и долго молились.

— Боже! Прими к себе сирот из Украины, будь милостив к нашей окровавленной родине... — шептали губы Елены, и Мария повторяла за ней слова этой необычной молитвы...

Когда настал вечер и сумерки наполнили камеру, каждая из девушек молча думала каждый о себе, стараясь ничем не нарушать покоя последних минут жизни. Им хотелось остаться наедине со своими мыслями и воспоминаниями, роившимися в памяти.

Когда смерть протягивает к человеку костлявые руки, живое существо невольно задумывается над главной тайной мироздания. Стоит ли тогда, когда уже ничего нельзя исправить, жалеть о прошлом или мечтать о будущем, покрытом неизвестностью и лишь условно созданном человеческой фантазией?

Чувствительная душа Елены Ярош, что так остро и храбро воспринимала события, перевернувшие все мышление и даже саму жизнь — душа эта, предчувствуя близкую разлуку, тосковала о молодом и красивом теле, с которым она так ладно прожила двадцать две весны.

Обреченный на уничтожение и тлен разум силился разгадать непостижимую тайну: куда девается прижизненный спутник тела человека — душа? Что происходит с ней после смерти тела?

— Умирает ли душа вместе с телом? Живет дальше? Попадает ли она в ад или в прекрасный Божий сад? — спрашивает Мария.

— Эту величайшую тайну вселенной мы вскоре постигнем... — и стук железного засова на дверях возвращает девушек к суровой действительности.

— Наверное, за нами? — вместе прошептали они.

Тюремщик не спеша вызвал:

— Ярош Елена?

Девушка бросилась на шею Марии.

— Мы пойдем не вместе... может, тебя помилуют. И когда-нибудь, когда ты вернешься на Украину — вспомни обо мне...

— Дорогая Елена!.. Я в это не верю...

Длинный коридор будто проваливался под ногами Елены.

— Никс шлим, — подгонял ее полицейский.

— Кончайте здесь, дьяволы! — в отчаянии воскликнула девушка.

Коренастый тюремщик в зеленом с коричневым бархатным воротником форме толкнул ее в небольшую и почти пустую камеру...

ИЗОБРЕТЕНИЕ ИНЖЕНЕРА КРАФТА

Главный конструктор инженер Рудольф Крафт в сопровождении своих помощников Бутермильха и Бера прибыл на подземную авиационную фабрику. За большими железными воротами стояла охрана из дюжих эсэсовцев.

Миновав длинный туннель, ведущий к этому таинственному предприятию, три инженера остановились, глядя на свое творение. В ярко освещенном голубыми ртутными лампами огромном эллинге стояли на стапелях три блестящих машины сигарообразной формы, напоминавшие фюзеляжи шестимоторных летающих крепостей.

Блестящая обшивка из дюралялюминия и нержавеющей стали была гладко «зализана» и лишена каких-либо выступов, не считая небольших, словно обрубленных крыльев с элеронами и рулем высоты на хвостовых перьях.

Ярко освещенные изнутри круглые окна новых машин походили на глаза фантастических существ. Три человеческих фигуры казались карликами перед этими огромными, еще неизвестными человечеству летательными аппаратами.

— Да, — многозначительно сказал Крафт, одетый в прекрасный серый костюм с фашистским значком в петлице, — не пройдет и десяти лет, и такие машины не будут вызывать удивления. Они будут так же известны всем, как сегодня авто или обычный самолет...

— Вы говорите правду, шеф, — поклонившись, сказал плотный инженер Бутермильх, — при помощи этих аппаратов мы завоюем не только весь земной шар, но также и другие планеты. Земля будет планетой уберменшей... Остальное — нашими колониями. Мы станем империей Вселенной.

— Ха-ха-ха! — захохотал третий спутник. — Однако же вы не очень-то очень смело разворачиваете главную доктрину нацизма в масштабах Вселенной. Последние события на восточном и западном фронтах... Хватит ли нам времени?.. Может, эти машины мы используем только для того, чтобы бежать с Земли и избежать наказания...

— Тоже мысль... — задумавшись, ответил главный инженер и, торопясь завершить дискуссию между своими помощниками, пригласил их внутрь ракеты.

Еще не покрытый внутренней обшивкой стальной каркас напоминал ребра доисторического существа палеозойской эры.

По стенам тянулось кружево разноцветных электрических проводов, соединявших сложное оборудование.

— Когда вы планируете окончательно закончить монтаж? — спросил главный инженер у Бера, который лично руководил работами.

— Через шестьдесят дней первая ракета будет готова к отлету.

— Гм... неплохо, инженер Бер. А где этот радиоприбор? Вы испытали его?

— Мы недавно получили его от фирмы «Филипс»... Благодаря оригинальной конструкции с его помощью вполне возможно подавать короткие условные сигналы с других планет.

— Прекрасно! Экипаж ракеты, прибыв к месту назначения, сообщит нам о своих наблюдениях. Это очень важно, очень важно.

— Прибор полностью меняет наш предварительный план в вопросе связи с Землей. Теперь этот сложный вопрос блестяще решен, — добавил Бер.

— Прекрасно! Пора немедленно начать обучение пилотов. Господин Бутермильх, эту непростую задачу я поручаю персонально вам. О ходе подготовки и успехах сообщайте лично мне.

— Яволь! — по-военному ответил Бутермильх. — Сегодня мне сообщили из тюрьмы о том, что там есть четверо людей, приго-

воренных к смерти. Это не обычные преступники, и я думаю, что их можно будет заставить вместо смертной казни принять наше предложение.

— Мне кажется, из этого может выйти толк. Действуйте! — приказал Крафт.

Вскоре они поднялись на небольшое плато в скалистых ущельях Альп.

— Отсюда мы отправим первую ракету в космические просторы, — мечтательно сказал Рудольф Крафт...

НЕОБЫЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Елена увидела небольшую и неопрятную комнату с зарешеченным окном. Единственной мебелью были стол и три креслица. На некрашеном сосновом столе краснели какие-то пятна.

— Неужели кровь?! — испуганно прошептала девушка.

В напряженной неизвестности долго тянется время. Минуты превращаются в часы, пережитые годы видятся короче этих минут. Косые лучи освещают страдающее лицо Елены Ярош. Заключенной кажется, что какое-то фантастическое нечеловеческое чудовище просовывает ствол пистолета в невидимую щель и целится в нее...

Скрипнула дверь, и Елена услышала, что кто-то вошел в ее камеру. Она чувствует, что это порожденный ее воображением палач. С молитвой на устах она готовится принять смерть.

— Встаньте! — приказывает он за ее спиной.

Елена вздрогнула от резкого неприятного голоса. Помолившись еще несколько минут и произнеся последнее «...Я иду к тебе, Господи. Аминь! », она поднялась.

Перед нею стоял высокий, темно-русый, красивый, еще не старый человек. Он пристально, но с едва скрытым презрением, таившимся в морщинках у губ, осматривал ее, точно какой-то непривычный товар. Так продолжалось с минуту, но ей не понравились эти взгляды. Напрягая все силы и пытаясь придать своему голосу полное равнодушие, Елена сказала:

— Приговор мне известен! Быстрее выполняйте! — Она до боли прикусила губы, чтобы сразу же не впасть в отчаяние и не показать этому чужаку, что боится смерти.

«Скорее покончить все расчеты с жизнью. До сих пор я смогла держаться, а дальше не знаю, что будет», — подумала она.

— Неужели я похож на палача? — насмешливо спросил таинственный посетитель.

— Мне совершенно безразлично, — ответила Елена.

— Вижу, вы верите в Бога. Начнем с того, что я вам сообщу: рай, куда вы так стремитесь попасть, находится на планете Марс.

— Что вам нужно от меня?

— Остались лишь короткие, как миг, тридцать минут до вашей казни. Мне жаль вас — такую молодую, красивую женщину, талантливого музыканта.

— Очень благодарна, что вы напоминаете мне об этом, — саркастически ответила Ярош.

Неизвестный посетитель был удивлен тоном ответа заключенной, но быстро нашелся и равнодушным, уверенным голосом продолжал:

— Я уполномочен спасти вашу жизнь, но только при одном условии...

«Неужели палачу хочется в последние минуты еще поиздеваться надо мной... Я изувечу это холеное лицо, если он попробует что-то со мной сделать», — решила Елена, медленно отступая в дальний угол камеры — как кошка, почуявшая в момент опасности другую, еще более ужасную угрозу.

— Вы способны вести деловой разговор?

— Деловой разговор! Ха-ха-ха! — и девушка, будто обезумев, громко рассмеялась.

Ее плечи затряслись в истерическом припадке.

— Успокойтесь! Я понимаю, что вам очень трудно разговаривать в подобном состоянии. Но поймите, что дело идет о спасении вашей жизни.

— Вон!.. Я знаю, что вы снова будете расспрашивать о соучастниках и шпионах!.. Мне надоело все это... Я готова к смерти.

— Я не гестаповец и это не входит в мои обязанности.

— Кто же вы? — еле слышно прошептала Ярош.

— Инженер! Пришел к вам с необычным предложением.

— Я не приму его.

— Я пришел к вам с необычным предложением.

— Жаль, что вы делаете такие поспешные выводы. Но, черт возьми, вы можете выслушать меня?

— Да. Но даже перед лицом смерти я сохраню разум и духовное равновесие.

— Являясь помощником известного инженера, который сконструировал ракету для межпланетного сообщения, я выполняю его поручение. Нам нужно подготовить обслуживающий персонал из людей, что навсегда покончили с этим миром... Вскоре наша ракета улетит с Земли, допустим, на Луну ...

Глаза Елены Ярош заблестели каким-то новым огоньком. Она словно проснулась после страшного призрачного сна и на шаг приблизилась к инженеру, который с методической последовательностью, как если бы читал популярную лекцию, продолжал:

— Люди, которые добровольно передадут себя в наше полное распоряжение, проживут свои последние дни на Земле в полнейшем достатке. Для них будут созданы особые, даже замечательные условия, а потом, когда завершится период обучения, они без разговоров сядут в ракету и... полетят. Что произойдет с ними — нам не известно. Я не скрываю, что это путешествие более рискованное, чем обычная загородная прогулка на автомобиле, но... Обдумайте мое предложение. Однако, мы заболтались, — добавил посетитель, взглянув на часы, — в нашем распоряжении осталось семь минут. Решайте!

— Мне нужно еще подумать... Возможно, я согласилась бы... — ответила Елена. — Мысль в принципе мне нравится, если вы серьезно предлагаете мне принять участие в этом необычайном путешествии.

«Может, лучше стореть где-то в космических просторах, чем быть искалеченной и убитой здесь, на Земле, где люди творят ближним столько зла?» — подумала она.

Инженер молча подал ей маленькое карманное зеркальце в прекрасной оправе. Девушка, увидев свое отражение, зажмурила глаза... Через несколько минут ее лицо покроеется кровью, и эти горящие глаза погаснут навсегда... И тогда взбунтовалась ее

душа... Пусть это тело лучше сгорит где-то на пути к другим, быть может, более счастливым планетам, пусть оно превратится в космическую пыль, но не будет изуродовано здесь, в грязном тюремном дворе, в предгорьях немецких Альп.

— Мне нужна еще минута, — шепчет Елена.

— Осталось три минуты ...

— У меня есть трое друзей. Они все приговорены к смерти. Если бы мы были вместе...

— Быстрее решайте. Иначе я не смогу отменить казнь ваших друзей.

— Да! Я согласна! Скорее спасите их! — воскликнула Елена.

Когда счет последней минуты пошел на секунды, инженер вышел в коридор и громко приказал полицая:

— Прекратите исполнение приговора над теми тремя...

— Яволь! — грянули каблуках солдатских сапог и на каменных плитах зазвучали глухие, словно замогильные, затихающие шаги.

Елена прислушивается к ним и слышит, как тревожно бьется ее сердце.

— Вы слышали? — спросил инженер, вернувшись в камеру.

— Да. Если вы действительно спасете моих друзей — я буду благодарна... Но я хочу более подробно узнать об этом замечательном путешествии в неизвестность, — степенно сказала Ярош.

— Я не скрываю от вас того, что наш эксперимент не лишен драматизма. Но у вас есть пятьдесят шансов из ста спасти свою жизнь и... увидеть то, чего не видел никто из жителей Земли. Кто знает, не станете ли вы самыми знаменитыми людьми и своего рода Колумбами Вселенной?!

— Когда должна полететь ракета?

— Время и место старта, учитывая военные события, держатся в тайне. Но примерно через два-три месяца, где-то в июле 1944 года, когда будет полностью закончен монтаж оборудования, а экипаж овладеет техникой управления, ракета улетит на одну из планет.

— Это очень интересно и увлекательно... Если бы не это окружение, я подумала бы, что читаю захватывающий фантастический роман, — сказала Елена. — Но почему вы выбрали нас?

— Вы хоть и музыкант, но работали в студии и хорошо знакомы с радиотехникой. Об этом мне рассказывал следователь. Ваш приятель, Ярослав Доморацкий — инженер-механик... Он способный человек и быстро сможет научиться управлять ракетой... Кстати, ее система управления столь усовершенствована, что это не составит особого труда. Думаю, из него получится хороший штурман сверхдальнего плавания, — улыбаясь, проговорил инженер.

— Я хочу встретиться с моими друзьями и окончательно посоветоваться.

— Это мы устроим. Пока вкратце о наших условиях. Эксперимент должен оставаться в тайне. Поэтому вы будете изолированы от внешнего мира. Вы будете встречаться только с нашими людьми. Ежедневно — шесть-семь часов обучения. Свободное время будете проводить в обществе ваших друзей... Вы получите достаточное питание.

— Знаем мы это питание! Капустный суп и жалкая желтая продовольственная карточка иностранных рабочих?

— Нет. Мы позаботимся, чтобы вы получили хорошее питание, одежду от лучшей портнихи, а также скрипку.

— Я бы с удовольствием получила последнее! — радостно воскликнула девушка.

— Будем считать, что принципиально мы пришли к согласию? Будем знакомы — моя фамилия Бутермильх, — сказал инженер, протягивая руку.

— Да, господин Бутермильх... — ответила Елена.

Чувствуя, что какое-то ужасное и уродливое существо будто прокусило ее горло и высосало всю кровь, обессиленная девушка падает в кресло...

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Елена прислушивается к медленно затихающим шагам инженера. Он только что ушел от них. В каждом шаге, размеренном, как удар маятника, чувствуется сын солдатской нации.

Где-то далеко, перекликаясь, завывли сирены, точно стая котов. В тюрьме погасили свет. Лунный свет чуть освещает темницу и четыре бледных лица, напоминающие тени каких-то потусторонних созданий.

События этих дней измучили их тела и взвинтили нервы до последнего. Елене порой кажется, что она уже порвала все связи с земной жизнью.

— С нами произошло что-то еще не совсем понятное, необычайное и фантастическое, — сказала она, — но, друзья, хорошо хотя бы, что мы вместе.

— Да... Пожалуй, мы подписали договор с самим дьяволом... Я пришел к выводу, что в наше время нечистая сила надевает новую маску. Кто знает, этот господин инженер... — многозначительно сказал Ярослав Доморацкий.

— Получается, что мы подписали пакт с самим сатаной?

— Помолимся, друзья... Спасем наши души, — посоветовала Мария.

— Это все же так необычно и интересно. Моей душе становится жаль тела.

— Лена, неужели вас интересует форма... Мне все равно, что будет с трупом моего тела... лишь бы душа...

— По христианскому учению, души праведных попадают в прекрасный райский сад, а грешных — в вечный концентрационный лагерь с кипящей смолой и чертями, чрезвычайно похожими на «капо» из Аушвица или Дахау. Наци — классические мастера подмены, они создали эрзац ада на земле, — заметил Ярослав.

— В детстве я очень часто молилась и посещала монастыри. Тогда в моем воображении возник образ сказочного города с прекрасными храмами и садами. Он был так прекрасен, и там царила несказанная тишина и покой. Я всю жизнь мечтала попасть туда...

Все замолчали, задумавшись над причудами человеческой судьбы и жизни.

— Что это вы затосковали? Неужели жалеете, что вас не расстреляли?

— Трудно сказать, жалею или нет, потому что в определенных условиях человек иногда делается похож на бессловесного кролика, становится равнодушным ко всем испытаниям, которым его подвергают...

— Ты хочешь сказать, что мы...

— Напоминаем подопытных кроликов.

— Неужели нам нечего взять от жизни? — спросил Юрий.

— Я бы хотела одного... полететь на родину, посмотреть, что стало с ней, разрушенной, обесчещенной, сожженной... Это все материя... а земля, сама родина, бессмертна... Мы покинули его против воли и не можем вернуться назад, но часть людей переживет годину бедствий и, закаленная в борьбе, вновь восстановит наш край, будет стремиться к лучшей жизни.

— Исторические события длятся долго и измеряются иным временем, чем события в жизни одного человека... — отвечает Елене, словно читая историческую лекцию, Ярослав.

— Да. Это правда... Я — музыка, и мне хочется еще ярко вспыхнуть... Представьте себе догорающий костер. Последний уголек еще тлеет, искорка ярко вспыхивает, освещая нежное здание нетронутого пепла, а потом гаснет — гаснет навсегда. Я согласна лететь на Луну или на Марс, или еще куда-то, и там свернуть себе шею, но хочу еще дать на Земле последний концерт. Сыграть свою лебединую песню... Я хочу взять в руки скрипку и опьяниться музыкой...

— Мечты остаются мечтами. Мы в тюрьме с метровыми стенами и железными решетками, сквозь которые нам не пробиться... Нужно ждать, что будет дальше — и при случае...

— Если бы представилась самая крохотная возможность... Будь у меня радиопередатчик, я крикнула бы на весь мир: SOS! Спасите наши души!

ШКОЛА МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПИЛОТОВ

Инженер Бутермильх сдержал слово, данное Елене Ярош. Она вместе со своими друзьями попала из тюрьмы в средневековый дворец в предгорьях баварских Альп.

После трехдневного отдыха, который потребовался уставшим людям, их жизнь неузнаваемо изменилось. Ежедневно с утра до четырех часов пополудни Бутермильх преподавал им основы межпланетной аэронавтики и обучал управлению ракетой. В аудитории была построена специальная учебная кабина с приборами и пультом управления, оснащенным многочисленными циферблатами различных устройств.

Обучение проходило нормально, и ученики даже с интересом слушали лекции. Инженер был очень доволен своими способными учениками, имевшими среднее и высшее образование.

Ярослав и Юрий учились на штурманов, Елена изучала тонкости сложнейшего аппарата, условно названного радиолотом.

— Какое главное задание нашей экспедиции? — спросил лектор у Ярош.

— Прибыв на новую планету, мы должны с помощью особого кода отправить на Землю данные наших наблюдений. О наличии воды мы сообщаем специальным сигналом, помеченным на клавиатуре цифрой семь. Встретив там людей, посылаем сигнал — девять. Отправив сигнал, помеченный цифрой девятнадцать — мы сообщаем, что планета полностью лишена признаков жизни.

— Прекрасно! Все совершенно правильно. Радист хорошо усвоил свои задачи. Теперь штурманы должны объяснить: что делать в момент приближения к цели путешествия?

— Оптические приборы, действующие на отраженных лучах, показывают нам расстояние до финиша. Когда настанет время спуститься на поверхность планеты, мы включим двигатель

обратной тяги, что приведет к торможению ракеты. Сама посадка производится с помощью особого громадного парашюта, — отвечал Ярослав Доморацкий.

— Хорошо. Очень хорошо! Осторожность при посадке спасет вашу жизнь и сохранит неповрежденной драгоценную аппаратуру связи. Поэтому посадка должна проводиться особенно внимательно. Продемонстрируйте это на приборах.

Юрий переводит двигатели мотора, нажимая на многочисленные кнопки пульта.

— Хорошо, — согласно качает головой Бутермильх и обращается к Марии: — Что вы должны сделать, находясь в безвоздушном пространстве?

— Мы открываем краны кислородных баллонов, установив их на красной черте.

— Совершенно верно! Вы все очень способные ученики. Сначала наш шеф достаточно скептически отнесся к моему предложению относительно вас. Я сегодня очень доволен и хочу, чтобы и вы были довольны мной. Сегодня я могу удовлетворить некоторые ваши пожелания.

После этой длинной тирады инженер Бутермильх достал из шкафа несколько больших пакетов.

— Это женщинам. Красивая женщина делается прекрасной в хорошем платье, — сказал он, протягивая Елене большую картонных коробок.

— О, какое прекрасное платье! — воскликнула больше от удивления, чем от радости девушка, рассматривая изящное вечернее платье с фиалкового крепдешина с маркой венской портнихи.

Мария безразлично отодвинула свой подарок. Ярослав и Юрий получили хорошие серые костюмы, но их лица не выразили особой радости.

— Благодарю, — холодно ответил Доморацкий.

— Я позаботился, чтобы вам было веселее, и приобрел для нашей исполнительницы хорошую скрипку, — торжественно

сказал инженер, протягивая Елене инструмент.

— За это я вам глубоко благодарна... Может, музыка немного скрасит грусть наших душ. Друзья мои — сегодня концерт.

Но печальным было этот концерт. Музыка, словно соль, приложенная к телесным ранам, бредила раны их душ. Ни вино, ни музыка не улучшили настроения всех четверых.

Каждый задумывался над главным вопросом: что случится с ними во время межпланетного путешествия?.. Утратят ли они родину и жизнь, найдут ли что-то другое, новое, непознанное и такое таинственное?..

ЛЮБОВЬ ИХ ДУШ

От забытого горного дворца кайзера Вильгельма веяло глухим средневековьем. Мрачные башни из серого базальта, оловянные готические ставни, цветное грубое и непрозрачное стекло, а вокруг огромные королевские леса и снежные горы.

Когда-то здесь были шумные охотничьи уголья немецкого кайзера, развлекавшегося стрельбой по зайцам и козам. Но времена изменились. Дичь оставили в покое — новейшим охотникам, пришедшим к власти, была более по вкусу охота на людей.

Уже несколько лет, с самого начала войны, этот дворец использовался в каких-то таинственных целях и находился в распоряжении инженера Рудольфа Крафта. Вместо охотничьих рожков и выстрелов дробовиков гудели мощные машины, и порой в тишине ночи слышались чрезвычайно сильные взрывы.

В этом, совершенно изолированном от внешнего мира дворце, жили четыре пленника из Украины...

Прошел месяц с начала их обучения, и Бутермильх впервые позволил своим ученикам отдохнуть в воскресенье. Это стало некоторой неожиданностью и нарушило однообразный распорядок дня.

Ярослав Доморацкий скучал. Ему грустно было оставаться в одиночестве. Он замечал, что Елена Ярош в последнее время почему-то избегает его, и молодому человеку было очень обидно. Юрий, напротив, все свободные минуты проводил в обществе Марии, — этой доброй и ласковой девушки, — и, как казалось Ярославу, переживал первые чары любви.

Ярослав решил навестить Елену и направился в ее комнату.

— Что ты пишешь, Елена? — удивленно спросил он, переступая порог.

— Письмо, мой друг!

— Письмо? Неужели ты наладила связь с внешним миром?

— Мы получим возможность отправить это письмо при... отлете с Земли... Вот, я приготовила для него немного необычный конверт, — ответила она, протягивая металлическую фляжку.

— Кому же ты адресуешь свое послание?

— Я сообщу всему человечеству, что четверо украинцев первыми в истории Вселенной улетели с Земли на межпланетной ракете.

— Это замечательная, удивительная идея! — восторженно воскликнул Ярослав. — Во имя этого стоит рискнуть жизнью. Хотя это пассивное сопротивление, но все-таки где-то в истории человечества останется упоминание о нас, межпланетных Колумбах. О нашем народе будет говорить мир. Ты, Лена, не только талантливая скрипачка, но и создатель новых идей. И знаешь, ради твоей скрипки я оказался здесь.

— Это для меня новость, — тихо ответила Елена.

— Я хотел бежать в родные леса, бороться с врагом и, может, погибнуть там. Жизнь человека теперь не имеет особой цены, но так создается героика народа. Имена наших многочисленных героев, с древности до наших дней, будут вечно жить в сердцах украинцев, — патетически сказал Ярослав, расхаживая по полу, устланному мягким ковром.

— Да, Ярослав! Но погибнуть, не совершив значительного поступка, мы не имеем права. Жаль просто так отдать свою жизнь. Некоторые довольствуются малым, но есть и великие люди. Такие люди могут вести за собой многих к какой-то общей цели, — отозвалась Ярош. — Но, Ярослав, продолжай свой рассказ — почему ты не ушел в лес?

— Когда ты мне там, на фабрике, рассказала о побеге, я долго думал и пришел к выводу, что это, возможно, открывает перед нами более широкие двери... За нас, украинцев, перед внешним миром выступают другие, но в конце концов мы должны заговорить сами. Скрипка в твоих руках может сделать большое дело. Но украинские музыканты, певцы, актеры не растут, как сорняки, их надо возвращать, как розы.

— О, Ярослав! Ты нанялся в садоводы?

— Может быть... Не смейся, Елена, но во-первых, тебе нужна была охрана, а во-вторых, я здесь потому, что люблю тебя, Елена! — горячо произнес Ярослав, порывисто обнимая девушку.

Но она быстро высвободилась и отошла к окну.

— Любовь?! Какие волшебные, но странно звучащие сегодня слова, Ярослав. Любовь висельников! — истерически вскричала она. — Какая может быть любовь, когда мы стоим у края собственной могилы, заглядываем в сырую землю... Там ползают черви, они съедят тебя, меня, и от наших бранных тел ничего не останется... Может, мы сгорим, может, наши тела будут разорваны на куски ...

— Горько быть философом... Мне кажется, что человек, который слишком много знает — отравляет этим знанием свою жизнь... Погляди на Марию и Юрия. Они, как голубки, ласкаются, любят друг друга и счастливы этим. Они увлечены сегодняшней жизнью, и их, кажется, совсем не пугает то, что наступит завтра. Они всегда вместе, — вздохнул Ярослав, добавив: — Почему ты избегаешь меня?

— Не у всех, Ярослав, одинаковый характер. Где один находит удовольствие или радость, — другому становится грустно или видится несчастье. Пойми, друг мой, что тело летит в пропасть. Тела нет. И не стоит любить на секунду... Наши души полетят вместе. Быть может, позднее люди сумеют разгадать тайну души — живые войдут связь с душами умерших, — я слышала, что ученые уже делают такие попытки, — и тогда...

— Елена! Ты в своем уме?

— Да ... Я очень много думаю о жизни наших душ... Ярослав! Любимый! Не смей больше говорить о любви, — сказала она. На ее лице было написано страдание, но глаза блестели от глубокой внутренней радости. — Если мы не погибнем — я буду любить тебя до гроба, а когда погибнут наши тела, моя душа будет любить твою вечно, вечно...

МИФ XX ВЕКА

Ночь. В камине тлеют угли, чуть освещая четыре силуэта сидящих вокруг людей. На стенах старинной залы развешаны охотничьи трофеи — головы диких кабанов и рога оленей. Они сверкают стеклянными глазами, и Елене Ярош кажется, что будь она одна, эти головы кинулись бы на нее. Поэтому она теснее прижимается к Ярославу. Он такой мужественный и сумеет защитить ее от страшных и уродливых врагов.

В расщелинах перекликаются сирены воздушной тревоги и сменяются отголоском далекой бомбардировки.

Четверо земляков делятся рассказами из прошлого, пытаются развеять уныние, что наполняет их сердца.

— Вы, Елена, когда-то учились в музыкальной школе? — спрашивает Юрий.

— Да. Я закончила школу с высшей наградой — золотой медалью — после еще училась у профессора Середенко. День первого выступления был самым радостным днем моей жизни. Хотите, друзья, расскажу вам об этом?

— Просим, Елена! Просим!

— Мое сердце замирало, когда я в красивом вечернем платье от лучшей львовской портнихи поднялась на ярко освещенную эстраду родной школы. Я боялась поднять глаза, встретиться со взглядами тысячи слушателей. Больше всего я боялась, что они загипнотизируют или сглазят меня. Аккорд. Мой смычок коснулся струн скрипки, и зал наполнился все новыми, нарастающими волнами звуков. Они уносили меня и слушателей, словно на крыльях, в небо мечтаний. Ведь каждый человек по своему вкусу создает иллюзию лучшего, желанного. Я позабыла обо всем. Только бурные аплодисменты, как волны дальнего и теплого моря, вернули меня к действительности, и я, смело взглянув в зал, увидела тысячи блестящих от слез глаз... Это были слезы

...В камине тлеют угли, чуть освещая четыре силуэта.

радости и лучшие минуты моей жизни.

— Да. Это лучшая награда артисту! — мечтательно сказал Ярослав.

— Но как это далеко от нашей действительности!

— Жизнь актеров и знаменитых музыкантов мне неизвестна — я дочь крестьянина. Но и у нас дома были свои крестьянские радости. Бывало, выйдем на поле, где волнуется спелая золотая пшеница... жнем, поем песни, и они несутся в бескрайнее голубое небо... Какие это были замечательные дни... — рассказывала Мария.

— Прошлое всегда кажется лучшим, — тихо сказала Елена.

— Да... Действительно, что имеем — не ценим, а потеряв — плачем.

— Друзья! За три дня до войны мне приснился знаменательный сон. Хотите, расскажу?

— Просим, Елена!

— Мой сон был похож на какую-то мистическую книгу, — сказала девушка, оглядываясь на сверкающие со стены глаза страшного кабана. Помолчав и кутаясь в плащ, она начала:

— Представьте себе ночь... Я лечу и с высоты вижу едва заметные очертания европейского континента. Города как вымершие. Нигде не видно ни огонька, ни лучика света.

Седые высокие горы гигантскими каменными развалинами лежат на земле, словно в древности некий великан пытался гигантскими бомбами уничтожить нашу планету.

Серые и оловянные облака, как полы тяжелой мантии, накрывают горы и цепляются за их каменные вершины. Вихрь несется и кружит над горами, неистово свищет ветер в больших пещерах, украшенных белыми сталактитами, — там царство Хаоса.

Он проснулся после долгого отдыха в горном дворце и, поднявшись во весь свой огромный рост, взлетает в воздух и парит над Землей с владычицей своего сердца. Его спутница, Разруха, мерзко смеется захлебывающимся воем сирен. Они оповещают человечество Европы о своей свадьбе:

— Трепещите, люди двадцатого века! Поклоняйтесь только нам — темным силам, возведенным в культ божества. Подчиняйтесь нам, как рабы средневековья, падайте ниц и трепещите. Наша свадьба продлится несколько лет. Может быть, шесть, может, и больше, — слышу я зловещий голос Хаоса и вижу его в облике огромного старца с длинной и страшной зеленой бородой, в черном смокинге. Он величественно кланяется собравшимся на свадьбу — там Царь-Голод, старуха Смерть, унылая Эпидемия, долговязый Мор, пара Вождей и еще несколько гадостных чудовищ в гражданской и военной одежде.

Смерть, подружка невесты-Разрухи, подносит жениху чарку в виде огромного боевого шлема, наполненного свежей теплой кровью.

Хаос кланяется жуткой подружке и осушает чашу.

Разруха взмахивает окровавленным платком, украшенным красными звездами и свастиками, и горящие, словно факелы, города от Рейна до Волги, от холодной Балтики до теплых вод Средиземного и Черного морей освещают ужасную свадьбу.

Невеста, с неистовой злобой танцует дикарскую джигу, — признак хорошего настроения, — с наслаждением слушает музыку взрывов, крики умирающих людей, стоны уничтожаемых городов.

У нее дурной вкус, она не уважает художественные произведения античности и богов мифологии. Музеи, где веками собирались лучшие художественные творения, горят как роскошные светильники перед пьяной Разрухой.

Тень страшного танца ложится на землю. Царь-Голод, поклонившись с ухватками джентльмена, приглашает на танец Смерть — движущийся человеческий скелет, одетый в современное красное прозрачное платье.

На залитые кровью одежды Разрухи оседает пыль городских развалин. Хаос опьянел от вина, поднесенного Смертью, и шумно празднует свою свадьбу.

Старику тесно в Европе. Временами он, покинув гостей, несется над гордым Альбионом, Африкой и даже над Дальним Востоком.

— Сообщайте в журналах! Наполняйте эфир радиоволнами! Становитесь на колени, пигмеи двадцатого века! Дрожите перед всемогущим Хаосом! Я разрушу весь континент. Ха-ха-ха! — и от его ужасного смеха вылетают оконные стекла, падают стены величественных зданий. — Я ниспроверг горы вместе с Плутоном! Теперь на помощь мне пришли боги войны древних германцев и римлян — Тор и Марс! Они вместе со своими генеральными штабами и вождями служат мне! Ха-ха-ха! — не умолкая выкрикивает Хаос, носясь в темных просторах над Европой.

Порой его совсем не видно, он становится прозрачным, словно дух, созданный человеческим воображением. Иногда он принимает образ людей, известных в нашем веке. И чудовище в черном фраке становится то полководцем, дипломатом, то человеком, полагающим, что он выполняет волю Провидения.

По приказу вездесущего Хаоса тысячи танков, флотилии кораблей, эскадры самолетов творят дело разрушения — вспахивают землю. На обработанной войной ниве Смерть собирает богатый урожай. Воины — временные победители, — гонят огромные стада захваченных на войне людей, превращая их в рабов XX века. Украинцы знали в своей истории жестокие нашествия татарских орд, но они ничто в сравнении с новейшими ордами...

Испуганные и растерянные люди, забывшие Бога, дрожат от ужаса и в страхе падают ниц, кланяясь новым языческим идолам, созданным жутким мифом XX века.

— Да... Какой страшный, но очень интересный сон, — сказал Ярослав.

— Несколько дней назад я снова увидела во сне этого зеленобородого старца. Он еще крепок, но чувствуется старческая усталость. У его старухи выпали все зубы, и она теперь похожа на свою подружку... Где-то в пространствах над Европой носятся они, как сумасшедшие. Вот рядом с бесноватой танцующей па-

рой промчался наш межпланетный, ярко освещенный поезд. В окно я увидела пораженное лицо старца. На нем читалось такое удивление... Он испуганно захихикал и попытался схватить нас, но вскоре утомился остался далеко позади, а мы со страшным грохотом полетели дальше — в какую-то синюю и загадочную космическую неизвестность.

— Любопытный сон ... — сказал Юрий.

Елена заметила, что друзья поднялись с кресел и слушали ее стоя.

— Я верю, что существуют какие-то плохо известные человечеству потусторонние темные силы, которые вечно стараются испортить человеку жизнь, — задумавшись, сказал Ярослав.

За окном взхлеб, словно радуясь людскому горю, переключались совы...

ГОЛУБОЙ ГЛОБУС

— Как вы себя чувствуете? На что жалуетесь? — спросил с всегдашней улыбкой врач Нимек, едва переступив порог.

За врачом спешил инженер Бутермильх.

— Мы вполне здоровы, — ответила Елена Ярош.

— Прекрасно! — сказал инженер, ставя на стол три бутылки с вином. — Между прочим, мы получили долгожданный приказ. Сегодня вечером вы вылетаете на Марс. Приготовьтесь: через полчаса мы выезжаем к месту старта.

— На Марс?! — удивленно воскликнула Елена, прижимая к груди скрипку.

— Да... можете взять с собой ваш музыкальный инструмент, — добавил он. — А пока позвольте выпить бокал доброго рейнского вина с самыми знаменитыми людьми Вселенной! Если бы не война, ваши фотоснимки в сопровождении статей корреспондентов были бы напечатаны во всех журналах земного шара. Появились бы многочисленные собиратели автографов знаменитостей, растащили бы на память все ваше имущество, — сказал Бутермильх, как конферансье, утешающий зрителей перед неудачным представлением.

Лене было противно, но инженер острил, не умолкая. Казалось, он пытался ни на минуту не оставить трагическую четверку наедине с их мыслями.

— Прост! — поднял он бокал с вином. — Все известные люди, чтобы сберечь свой покой, часто путешествуют инкогнито. Выпьем же за счастливое завершение этого славного путешествия! За встречу с вами на Марсе! Ведь после получения от вас радиосообщения немедленно вылетит ракета номер два...

Елена чуть пригубила бокал. Мужчины тоже были невеселы, но ничем не проявляли своего волнения. Могло показаться, что они собирались выполнить самую простую и незначительную

обязанность.

Врач Нимек взглянул на часы и они, надев плащи, вышли из комнаты. Елена несла скрипку.

Вскоре превосходный шестиместный «Майбах» промчался по изгибам заасфальтированной горной дороги и остановился у высокого забора.

Сквозь открытые огромные железные ворота в черной пасти тоннеля виднелось что-то вроде гигантского рефрактора. Там на блестящих стальных шарах высилась громадная продолговатая металлическая ракета с круглыми окнами, напоминающими иллюминаторы парохода. Несколько рабочих заканчивали последние приготовления.

— Экипаж ракеты прибыл. Люди чувствуют себя хорошо, — доложил Бутермильх главному инженеру.

— Прекрасно! Поздравляю наших славных межпланетных летунов, — поздоровался Крафт, пожимая руки. — Уверяю вас, это необычайное путешествие вы закончите вполне удачно, если будете придерживаться предписаний инженера Бутермильха. Он весьма доволен вами и говорит, что вы хорошо усвоили его лекции... Прошу внутрь. — Они вместе поднялись по высокой лестнице в ракету и оказались в помещении, представлявшем собой хорошо оснащенную каюту. — Не находите ли вы различий между этой ракетой и учебной?

— О, нет! Приборы совершенно одинаковы, — ответил Ярослав.

— Совершенно верно! В машине нет никаких недоработок. Вы можете быть в ней так же уверены, как я в своем «Майбахе». Посмотрите, вот руль высоты, это рычаг двигателя... здесь тормоз... — говорил главный инженер, прикасаясь рукой к блестящим рычагам.

Подведя Ярослава и Юрия к круглому окну в передней части ракеты, Рудольф Крафт обратил их внимание на яркую звезду.

— Это — Марс! Цель вашего путешествия. Таким вы его видите невооруженным глазом. Теперь посмотрите в телескоп.

Ярослав сел в удобное мягкое сиденье и в окуляре мощного телескопа увидел синеватую планету, излучавшую яркий свет.

— Если вам придется садиться на воду, ракета должна выплыть на поверхность. В заднем отсеке лежат две особые, непотопляемые резиновые лодки. Вас научили, как с ними обращаться?

— Да. Нам объяснил господин Бутермильх.

— Вам все понятно?

— Вполне, — равнодушно ответил Юрий.

— Может, есть какие-то вопросы?

— Нет.

Экипаж ракеты занимает свои места. Надевает наушники.

Ярослав помогает Елене застегнуть кожаный шлем со встроенным радиотелефоном. На миг он заглянул в прекрасные, широко раскрытые карие глаза. Его охватила жалость к девушке, которую он любил больше всего на свете. Но... в голове такая сумятица, все перемешалось — мысли, мечты и возможности, жизнь и смерть, любовь. Он не знал, чем все это закончится, но с напряжением ждал скорой развязки, выхода из этого лабиринта.

— Не боишься? — спросил он Елену.

— Нет, Ярослав! Хочу побыстрее знать, чем все кончится, — прошептала она.

Инженеры, пожав им руки, оставили кабину. За ними глухо захлопнулись металлические двери.

— Да. Теперь отрезано все, что связывает нас с Землей. Отрезаны пути к отступлению. Теперь мы уже никогда не вернемся на Землю, — подумала вслух Елена, и что-то горькое сдавило ей горло.

Электрические лампы освещали сложную аппаратуру и сосредоточенные и бледные лица людей.

— Внимание, внимание! Займите места. Через минуту будет дан старт, — слышится из громкоговорителя голос инженера Крафта.

Плывут в никуда секунды напряженного ожидания.

— Бу-а-а-а-ах!!!

Страшный взрыв подбросил их в воздух, и ракета под непрерывный гром взрывов начала набирать скорость.

Елена Ярош посмотрела в иллюминатор и увидела освещенные луной горы.

— Прощай, Земля! Путешествие началось не так ужасно, как я ожидала! — воскликнула девушка, но не услышала собственного голоса.

Ракета со страшной скоростью приближалась к тропосфере...

ЗАВТРАК В КОСМОСЕ

Освещенная ракета неслась с головокружительной скоростью. Стрелка спидометра показывала 2800...

Несмотря на бешеную скорость, в каюте было тепло и даже уютно. Елена Ярош привыкла к взрывам ракетного двигателя, звучавшим каждые несколько минут в размеренной последовательности. Напротив, эти взрывы успокаивали ее, внушали чувство уравновешенности и уверенности в необычайном аппарате, сконструированном талантливым немецким инженером. Она прислушивалась к гудению машин, ощущая в них особенную симфонию сверхскорости.

Ярослав, сидя у рулей, приник к телескопу.

— Мы движемся без всякого отклонения от курса, прямо на Марс, — передал он по телефону.

Юрий открыл регуляторы баллона со сжатым кислородом.

— Как легко дышится, друзья, — сказала Елена, сидя в удобном мягком кресле. — Отлично, — договорила она, но тревожные мысли не оставляли ее.

Они, словно хищные летучие мыши, носились в разгоряченной голове. Чем закончится это путешествие в неизвестность? Она не знает. И никто не знает. Еще никто из жителей Земли не удалялся так далеко от своей планеты.

Елена Ярош — необычайная фантастка. Вот уже пять лет, с тех пор, как началась война, она живет двойной жизнью. Одну она видит каждый день, — такую несправедливо-жестокую, полную горьких несуразностей, тревог и нужды. Вторая жизнь — жизнь души, души, влюбленной в музыку и мечты. И эта жизнь больше нравится умной, широко развитой девушке. Иногда она делится своими мыслями с Ярославом. Только он один понимает ее.

Елена представляет себе изумленные лица людей, случайно увидевших, как над Землей поднялась ярко освещенная ракета и

унеслась в синюю лунную ночь.

И вслед за этим последним воспоминанием она решила больше никогда не вспоминать о планете, на которой не нашлось места для молодой жизнерадостной украинской девушки. Крохотного места, где-нибудь над рекой с поросшей ивами берегами или в саду, где она могла бы мечтать и играть на скрипке. Нет, даже это скромное, такое маленькое желание стало для нее невозможным... О, люди, люди!

Она посмотрела в круглое окно и, словно школьница, показав язык, спела пародию:

Прощай, мой табор, и вы, земляне,
Пою я вам в последний раз...

«Что случилось? — с тревогой подумала она, прислушиваясь. — Почему не слышно взрывов двигателя?».

Наступила долгая пауза. Елена видит напряженные и удивленные лица спутников.

— Испортился двигатель! — первым восклицает Ярослав. — И теперь, если мы прошли сферу влияния земного притяжения, нас притянет к себе какая-то другая планета или же мы будем вечно блуждать в космических просторах.

— Час от часу не легче, — заметил Юрий.

Ракета продолжала нестись по инерции к неведомой цели. Дрожащие стрелки показывали незначительное уменьшение скорости.

Миновал час, другой. Напряжение немного развеялось. Елена почувствовала, что проголодалась.

— Может, позавтракаем? — предложил Ярослав.

— Да, — хором поддержали Юрий и Елена, — конечно, позавтракаем, и даже с вином.

— Когда предлагают наши женщины, я с большим удовольствием поддерживаю компанию, — повеселел Ярослав.

— Мария, достань-ка бутылку.

Вскоре в бокалы льется из прозрачной пластмассы густое красное вино. Ярослав провозглашает:

— За счастливое прибытие на Марс!

Все встретили тост радостными возгласами.

— За Марс!

— Марс, — торжественно говорит Елена мягким, словно бархатным голосом. — Я чувствую особую красоту в названии планеты. Марс — звучит красиво и величественно!..

— А Днепр! Украина! Карпаты! Черное море! Неужели все это не милые и прекрасные названия? — спрашивает ее Доморацкий.

— Самые дорогие названия, дорогой Ярослав! Но для нас — это прошлое. Сон... Нам нет туда возврата... мы — бессильны что-то сделать, повернуть эту безумную машину назад. Да и нужно ли это?.. Были бы мы там счастливы, не встретили бы то же, что пережили в предгорьях немецких Альп? Мне кажется, разницы никакой. Я хочу до гроба нести в своем сердце, как святыню, эти названия... родных мест. Когда мы попадем на необитаемую планету — самые красивые ее степи, горы, реки и моря мы назовем родными именами.

Вино растекается по телу, окутывает сознание. Сравнения и воспоминания, кажется, окрашиваются мягким, теплым, розовым цветом.

Лицо Елены Ярош оживает. На щеках она чувствует какой-то неведомый, особенный огонь. Такого с ней еще никогда не бывало.

— Мне кажется, будто я выпила стакан не вина, а какого-то крепчайшего напитка, — шепчет Елена Марии.

— Елена! Не знаю, что случилось, но я теперь согласна упасть и разбиться. Будь что будет, — отвечает Мария.

— О, Мария! Разбиваться не стоит. Нам ведь интересно — что станет с нами. То, что было — мы знаем, это перечеркнуто раз и навсегда. Но меня интересует будущее. Человека всегда волнует неизвестность будущего, и он, словно слепец, идет на ощупь навстречу своей судьбе, которая, кстати говоря, часто гото-

вит ему различные неожиданности. Что-то случится с нами, и, возможно, это произойдет быстро. Но что? — в смятении спрашивает Елена Ярош.

Кто мне судьбу расскажет,
Того я полюблю,

— напевает она.

Безумный полет в неизвестность все больше возбуждает Елену.

Ее захватывает необычайное путешествие в космических просторах, о котором она никогда не могла и помыслить. По прихоти судьбы и стечению случайностей оно стало реальностью.

Но в переутомленном мозгу девушки воцаряется какая-то путаница, и все улетает прочь.

Вскоре хмель и сон, словно два заговорщика, медленно овладевают телами усталых путешественников. Елена заснула в кресле. Рядом на плечо Юрия склонилась голова Марии. Штурман Ярослав Доморацкий дремлет, держа в руках руль ракеты, мчится в космическом пространстве...

НЕОБИТАЕМАЯ ПЛАНЕТА

— Внимание! Внимание! Мы приближаемся к какой-то планете! — взволнованно воскликнул Ярослав.

Наблюдая через иллюминатор, он первым увидел, что ракета с бешеной скоростью приближается к желтой, ярко освещенной планете. Командор пытался вычислить расстояние при помощи приборов, но это ему не удавалось.

— Мы садимся на Марс! — успел он воскликнуть и рванул рычаг двигателя парашютного тормоза.

Ракету встряхнуло, словно пульмановский вагон на железнодорожных стрелках, и она повисла на стропах огромного парашюта.

— У-а-ах!

Страшный удар подбросил людей и они, потеряв сознание, упали на пол каюты.

Тишина. Только слышен стук часов. Он бесстрастно меряет время на новой планете. Ярослав Доморацкий первым поднялся и оглядел печальную картину. Его друзья с окровавленными лицами лежали вповалку на полу. Несмотря на специальные амортизаторы, передняя часть ракеты вогнулась внутрь. Распределительный щит со смонтированными на нем приборами был разбит. Рули и двигатели не действовали, однако радиоаппаратура осталась цела. Входной люк ракеты оказался крепко прижат к земле. Не без некоторых колебаний Ярослав разбил молотком грубую тройную прозрачную пластмассу окна.

Прошло еще около двух часов и путешественники высадились на новую, неизвестную планету. Вокруг, насколько хватал глаз, лежала величественная песчаная пустыня, лишенная растений и каких-либо признаков жизни. Какое-то светило, похожее на Солнце, но гораздо более горячее, освещало однообразный пейзаж.

— Вот тебе и Марс! — разочарованно промолвил Ярослав.

Ярослав и Юрий дважды обошли вокруг ракеты, до половины ушедшей в песок. Они рассматривали пустыню в бинокли, но ничто не привлекало их внимания.

— Вот тебе и Марс! — разочарованно промолвил Ярослав.

— Песчаная пустыня, — равнодушно ответил Юрий. — Она, кажется, лишена признаков жизни. Здесь не видно следов марсиан, животных или птиц, нет и знаменитых каналов...

— Но воздух, кажется, здесь такой же, как на Земле...

— Мы разгадали одну из величайших загадок астрономов Земли и доказали, что Марс — безжизненная планета.

— Но Марс ли это? Возможно, мы отклонились от курса. Мы могли оказаться на одном из спутников...

— Здесь есть суша и воздух, но этого еще мало для жизни человека. Если бы здесь была вода и растительность...

— Тогда это было бы истинное счастье. Вырвавшись из земного ада, мы смогли бы здесь существовать... Собственным трудом добывать себе пропитание. Это было бы простое, но настоящее счастье, — рассуждал вслух Ярослав, и его спутники прислушивались и соглашались с ним.

Женщины отошли на несколько шагов в пустыню и опустились на колени.

— Боже Единый! Спаси нас...

Незадолго до заката, похожего на земной, они осмотрели свои припасы.

— При умеренном потреблении этого нам хватит только на тридцать-сорок дней. Но воды всего двадцать литров. Если мы не найдем воду, наше положение может стать еще более тяжелым.

Солнце, несмотря на вечернее время, невыносимо пекло. Металлический корпус ракеты так раскалился, что напоминал огромную вагранку. Термометр показывал шестьдесят градусов в тени.

Мужчины собрали несколько сотен квадратных метров прочной белой шелковой парашютной ткани и устроили просторный шатер.

Путешественники укрылись в тени этого импровизированного жилья, тяжело дыша, словно выброшенные на берег рыбы.

Наступил вечер, а потом и ночь. Но они долго не могли заснуть и разговаривали между собой, вспоминая, что им пришлось пережить и гадая, что придется пережить дальше...

ИСКАТЕЛИ ОАЗИСА

К утру в жизни новых обитателей неизвестной планеты не произошло никаких изменений. Елена ежилась от утренней прохлады и куталась в плащ. Мария готовила завтрак из консервов и галет, тщательно отмеряя порции.

Во время завтрака начался оживленный обмен мнениями по поводу их положения.

— Оставаться в пустыне — все равно, что подписать себе смертный приговор, — твердо сказал Ярослав.

— Если на этой планете такой же воздух, как на Земле, то где-то, я вполне уверена, должна быть вода и растительность, — рассуждала Елена.

— Судьба спасла нас от смерти на Земле и во время фантастического путешествия, но ожидает нас? Гибель от жажды и голода в раскаленной песчаной пустыне? — пессимистично проговорил Юрий.

— Все-таки счастье дается человеку только раз, — загадочно добавила Мария.

Наступила длинная пауза. Каждый из четырех думал о том, где найти спасение.

Ярослав Доморацкий дожевал галету, вскочил на ноги и решительно сказал:

— Мы должны еще до наступления жары отправиться в дальнюю разведку. Кто ищет — тот находит! Женщины останутся здесь, а мы с Юрием немедленно отправимся в путь. Ты иди на запад, а я пойду на восток, — распорядился мужественный молодой человек.

— Мы пойдем с вами, — предложила Елена, обменявшись взглядом с Марией.

— Оставьте это мужчинам. Вам нужно беречь силы, — возразил Юрий.

— Мы хотим разделить с вами нашу общую судьбу, — настаивала Елена.

— Вы остаетесь у места падения ракеты, и никаких разговоров. Ведь кому-то нужно охранять наши припасы. Не время спорить. Лучше пожелайте нам удачи, — сказал Ярослав.

Вскоре мужчины разошлись в разные стороны от места, где упала ракета. Их ноги вязли в сухом сыпучем песке. Как ни старался Ярослав ускорить шаг, все было напрасно.

— Я двигаюсь не быстрее черепахи. Пожалуй, прохожу меньше километра в час, — сказал он вслух, рассматривая какие-то подвижные шары, катившиеся по пустыне.

Путник заметил, что это были клубки странных сухих растений.

— Конечно, это Марс! Здесь даже растения не такие, как на Земле. Они живут без воды и передвигаются с места на место, — пробормотал Доморацкий. — Но как же мучает жажда!

Солнце уже поднялось высоко и нестерпимо припекало.

— Воды, — прошептал он. — Хорошо было бы сейчас прикоснуться пересохшими губами к стакану с коктейлем и кубиками льда. Да что коктейль! Вода лучше.

Стакан воды дразнил воображение человека, увеличивался в миллион раз, становился похожим на удивительный языческий храм.

Прошлого нет. Оно кажется каким-то фантастическим призраком и похоронено навсегда. Перед человеком, словно мираж, встает и дразнит сознание фантастический стакан с благословенным напитком. Коктейль!

— Нет. К черту коктейль! — восклицает измученный человек, который согласился бы сейчас напиться из гнилой вонючей лужи.

Его Величество Случай смеется над человеком, насмехается над ним, оказавшимся в беспомощном состоянии на неизвестной безжизненной планете.

— Но какая разница — погибнуть от пули палача на далекой Земле или умереть от жажды в песчаной пустыне на Марсе? —

размышляет человек, ощущая между первым и вторым некую необычайную связь.

Человек мечтает о луже. Луже грязной воды, которая может спасти жизнь. Лужа с тиной. Больше ничего. Ярослав так реально, будто наяву, видит эту лужу, поросшую ряской и водорослями, с илом на дне.

Человек пошатывается, но идет навстречу пламенному солнцу. Оно иссушает мозг. Кажется, кровь загустела. В пустыне маячит фигура человека, безнадежно оглядывающего горизонт.

— Господи! Спаси и помилуй! — произносит человек, падая на горячий песок...

Когда Ярослав пришел в себя, над ним висела темно-синяя бездна неба и светящиеся звезды. Они были гораздо ярче тех, что молодой человек привык видеть на Земле. Он вспомнил, что уже трое суток провел в пустыне. В первый день была выпита бутылка драгоценной воды, второй и третий прошли в страшной жажде. Правда, ночью жажда не так беспокоит, как днем. Вспомнив о друзьях, он, напрягая последние силы, встает и идет.

— Найду ли воду, увижу ли снова любимую Елену?

Под утро, когда прояснилась голубизна неба, он опустился на песок и еще некоторое время полз, как ребенок, а затем, совсем обессиленный, упал лицом в песок. Он долго лежал неподвижно, и казалось, что жизнь оставила измученное тело.

Когда наступило утро, Ярослав приподнял голову, и ему показалось, что мираж вновь насмехается над ним. На расстоянии трехсот шагов в глубокой впадине долины, словно в русле пересохшей реки, он увидел несколько десятков стройных пальм и каких-то деревьев, похожих на смоковницы; казалось, они тоже задыхались от жажды.

— Мираж! Снова галлюцинация?! — воскликнул он и, напрягая последние силы, побежал к оазису.

Через несколько минут путешественник, радостно обняв ствол пальмы, осматривал свои владения. Никаких признаков жилья

...Ярослав, напрягая последние силы, побежал к оазису...

или следов человека. Ярослав сорвал несколько фиг и стал жадно поедать этот первый подарок суровой пустыни.

— Какие вкусные! Но где-то здесь под песком должна быть вода. Иначе не росли бы деревья, — рассуждал он.

Днем в тени жара казалась не такой страшной. Выломав сухой сук, Ярослав начал рыть песчаный и каменистый грунт. Это была тяжелая и малопродуктивная работа, и он жалел, что при нем не было лопаты или хотя бы куска жести или железа.

— Здесь можно выкопать колодец, но для этого понадобятся какие-то инструменты, — решил Доморацкий.

Собрав фиников и фиг, он ближе к ночи отправился обратно к месту падения ракеты...

ПЕСНЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В роще хилых пальм появились две белых палатки и четверо жителей, которые энергично исследовали свои новые владения. Оазис напоминал небольшой серо-зеленый остров, затерянный в песчаном океане. Жители осматривали каждую пальму, каждое фиговое дерево, кусты саксаула, землю и камни. Лица мужчин были озабоченными.

— Мы должны немедленно вырыть колодец, — сказал Ярослав, мастеря лопату из обломка ракеты.

— Если добудем воду — сможем здесь просуществовать, — отозвался Юрий.

Вскоре мужчины начали копать. Они работали с упорством, но с каждым слоем выброшенного грунта теряли надежду добраться до воды. За три дня упорной работы они углубились на несколько метров, но песок оставался таким же сухим, как на поверхности пустыни.

Неделя напряженного соревнования с пустыней не принесла никаких перемен — воды не было. Юрий мастерил колодезный сруб из листов алюминиевой обшивки, снятой с ракеты. Каждый вечер, когда они устало возвращались к палаткам, женщины по печальному выражению их лиц видели, что миновал еще один день бесполезной работы.

— Елена! Готова ли ты погибнуть здесь? Вода кончится через два-три дня! Что будет дальше, я не знаю... — спросил Доморацкий.

— Я согласна принять смерть здесь... Она ничем не хуже, чем там, на далекой Земле... Ярослав, как мирно и красиво мы жили... Я родилась и выросла в селе... над речкой... волшебной и мечтательной... Речка... драгоценная вода, а здесь — смерть от жажды... Моя судьба — словно капризная девушка. О, судьба, судьба... Родители погибли вскоре после войны от рук освободителей... их

увезли в снежную пустыню — северную тундру... Мой брат бежал оттуда и рассказывал ужасные вещи.

— Елена! Мое сердце разрывается на куски... Я начинаю терять надежду...

— Ярослав! В трудные минуты жизни я всегда обращалась к Богу с молитвой... — сказала Елена и тихо ушла в пустыню, освещенную фиолетовым светом какой-то планеты, похожей на Луну.

Ярослав пошел за ней и опустился на колени рядом со своей невестой.

— Боже... помилуй четырех скитальцев, попавших со своей милой родины — Украины на неизвестную планету. Мы находимся в беспомощном состоянии. Господи, молим: ниспошли нам воду, и мы будем благодарить Тебя до скончания жизни своей, — пылко молвила Елена.

Ярослав молился молча. Он мысленно повторял слова Елены, и они ежеминутно укрепляли его надежду найти воду... Он не узнавал себя... Куда-то исчез пессимизм, появилась вера в то, что они добудут воду...

— Может, мы не там ищем. Попробуем в другом месте, там, где заканчивается овраг... Он напоминает русло давно исчезнувшей реки...

Они начали копать новый колодец. Кончалась вода, привезенная с Земли. Последние две бутылки мужчины оставили женщинам, но те отказались от драгоценного напитка.

Елена с Марией собирали плоды пальм и фиги, которые составляли основную пищу путешественников. Лишь третья часть — концентраты из неприкосновенного запаса.

— Когда доберемся до воды, я буду считать себя богаче Рокфеллера, — мечтательно сказал Ярослав.

— Терпение, друг! — подбодрил его Юрий, скрывая от Ярослава свою неуверенность.

Новая планета негостеприимно приняла неожиданных переселенцев с Земли. Наступила тревожная темная ночь.

— Почему сегодня так долго не возвращаются мужчины? — волнуясь, сказала Елена.

— Не случилось бы беды, не дай Господи! — воскликнула Мария, и подруги, спотыкаясь в темноте, побежали к колодцу.

— Ярослав?? Юрий?! Ярослав?!

— Мы добрались до влажного песка! Будем копать до победного конца! — услышали женщины.

— Неужели вода? — обрадовалась Елена.

Через несколько минут на куче песка у колодца вспыхнул костер из сухих веток саксаула, освещая работающих. Женщины помогали извлекать влажную почву.

В лихорадочном труде они позабыли обо всем. Четырём живым существам больше всего хотелось быстрее добраться до воды.

Когда первые лучи солнца яркой радугой осветили небо, из глубины колодца долетел радостный клич:

— Вода! Поднимайте ведро!

— Вода! Вода!

Из темного отверстия колодца появилась голова человека. Глаза его сияли, как бриллианты. Люди, окружив ведро с грязной водой, рассматривали его, как драгоценное сокровище.

Елена сняла с шеи золотой крестик и протянула Ярославу. Он перекрестился и, взглянув на восток, опустил распятие в воду.

— Да святится имя Твое... Великий Творец Вселенной!

— Слава Тебе, Боже, за послание нам радости.

— Слава Тебе, — пропели все вместе.

После молитвы, когда песок осел на дне и вода стала кристально-прозрачной, они выпили первую святую воду...

— На этом месте мы поставим крест... Крест Животворящей воды, — проговорил Ярослав.

— Хорошее название...

— Теперь наша жизнь спасена!

В тот день, ставший для них праздником, люди впервые на новой планете умылись и надели чистую одежду.

Они расположились у большой пальмы живописной группой. Елена со скрипкой стояла спереди, Мария села на камень, мужчины, обняв друг друга за плечи, опирались о ствол пальмы и пели гимн победителей пустыни.

Елена играла на скрипке божественную мелодию, и все могучими голосами пели «Отче Наш».

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

— Я нашла драгоценность! — радостно воскликнула Мария. Ее лицо сияло от радости.

— Часом, не бриллианты? — равнодушно спросила Елена.

— Нет, Елена! У нас будет хлеб!!!

— Хлеб?!

— Да. Я мечтала о настоящем хлебе и очень довольна, что нашла его! — патетически сказала девушка, показывая на ладони несколько зерен ячменя и пшеницы.

— Но их так мало!

— Терпение и время.

— Дорогая Мария! Ты уверена, что здесь вырастет пшеница?

— Не сомневаюсь! Найдя воду, мы можем заниматься хлебопашеством... А вот и ребята! — радостно произнесла она. — Юрий, Ярослав! Идите сюда! Скорей!

— Что случилось?!

— Когда-то я работала у немецкого бауэра — пахала, сеяла... и сегодня между продраным карманом и подкладкой жакета нашла несколько зерен...

— Замечательная находка! — воскликнул Юрий, подсчитывая зерна.

Их оказалось около трех десятков.

— Вы смастерите мотыгу и грабли... мы засеем нашу маленькую ниву, — ликовала Мария.

— Когда у нас будет настоящий хлеб? — спросила Елена.

— На это, понятно, понадобится время. Несколько урожаев. Но я думаю, что в этих климатических условиях вегетационный период пшеницы составит не более девяноста дней, а ячменя, пожалуй, шестьдесят, — ответила Мария.

— Ты хорошо разбираешься в агрономии? — спросил Ярослав.

— Я хлебороб и не зря училась в агрономической школе.

— Тогда мы назначим тебя почетным министром земледелия,
— улыбаясь, предложила Елена Ярош.

— Мария заработала веночек из пальмовых листьев, найдя эти зерна.

— Ура... Виват! Да здравствует министр и начало земледелия на нашей планете!

— Это щедрая награда за двухлетнюю работу у немецкого крестьянина. Бог с ним! Я простила ему все...

Трое подняли на руки счастливую Марию и понесли ее вглубь оазиса.

— Тебе, Мария, сверху виднее! Выбирай место для новой нивы!

— Спасибо за доверие! Вот здесь, в тени этих фиговых деревьев, самое лучшее место. Если бы сюда провести воду — получилось бы отличное поле.

— Это уже вопрос инженерии. Что думаешь, Ярослав?!

— Сперва нам понадобится несколько ведер в день, но позже наша нива будет ежедневно нуждаться в нескольких сотнях ведер воды.

Вечером, когда на пустыню опустились сумерки, они засеяли небольшую грядку пшеницей и ячменем и бережно полили ее водой.

ЗОВ СЕРДЦА

Она шла навстречу, такая радостная и веселая — и, приблизившись к мужчине, громко сказала:

— Ярослав! Ты сегодня работал как Геркулес.

— Елена! Мы наконец закончили строить желоб для орошения нашего поля. Теперь нам не грозит засуха. Но ты сегодня такая необычная, — удивленно сказал Ярослав.

В ее блестящих глазах Ярослав чувствовал какой-то особенный призыв. Просторная шелковая одежда напомнила ему античных богинь. Подойдя совсем близко, она сказала:

— Ярослав! Я пришла к тебе, подчинившись зову сердца.

— Елена, любимая! Неужели наступило долгожданное счастье?

Он обнял девушку загорелыми от солнца руками. Они тихо шли по тропинке, поросшей ползучими растениями. Ярослав не скрывал своего счастья, спрашивая:

— Почему ты мучила меня столько времени?

— Старое вино крепче, — улыбаясь, ответила Елена.

Горячий сухой ветер долетает из пустыни, звенит о песок и ласкает их лица. Хотя ветер пел печальную и монотонную мелодию, а сердце Ярослава билось, как бубен, Елене казалось, что она слушает таинственную и волшебную музыку. Она решила положить ее на ноты.

— Ярослав! Я напишу новую симфонию под названием «Любовь в пустыне». Это такая необычайная музыка! Я буду часто играть ее... кому, как ты думаешь? — спросила она, немного смутившись.

— Нам обоим и нашим друзьям.

— Нет, еще кому-то... может, нашему сыну, и это будет чистая и свободная музыка, взятая из самой жизни. Ты слышишь, Ярослав?

— Да. Это песок поет песню о нашей любви.

...Обнявшись, они тихо шли по тропинке...

— Всегда, когда близилась песчаная буря, мне было страшно и грустно оставаться одной в палатке, — прошептала она.

— После всего, что мы пережили, нам не страшны никакие бури, — ответил он, и их обожженные губы встретились в страстном поцелуе.

Из пустыни подкрадывался вечер. Влюбленные сидели на краю оазиса под большой пальмой, и их ласки становились все более интимными.

— Не осуждай меня, Ярослав, за эти муки и за то, что я сама пришла к тебе, как женщина к мужчине. Я давно была твоей женой... ты ведь знаешь это?

— Да... но почему ты все время была так холодна ко мне?

— Чтобы любовь была горячей... Когда в холодной любви загорится сердце, оно будет гореть долго — всю жизнь.

— Елена! Моя прекрасная жена! — восклицает Ярослав, сжимая Елену в объятиях.

В пустыне зарождалась горячая песчаная буря...

ТРУДОЛЮБИВЫЕ МАРСИАНЕ

Земная одежда новых марсиан была очень неудобной и жаркой. Особенно страдали мужчины в своих длинных и теплых комбинезонах. В первые дни по прибытии у них не было времени заниматься решением этой проблемы. Но практичная Мария сшила из куска парашютного шелка две пары коротких белых штанов и легкие женские наряды. Она расплела свой шелковый пуловер и цветными нитками расшила рукава.

— Какое замечательное платье! — обрадовалась Елена, примеряя его. — Ты, наверное, заимствовала образец из альбома марсианских красавиц?

— Ах, если бы... но платье не помешает, — улыбнулась девушка.

Мужчины тоже благодарили Марию за новую одежду, которая была очень удобна для жизни в пустыне. Вскоре Елена связала из пальмового волокна несколько превосходных шляп. Они были немного грубыми, но прекрасно защищали головы жителей оазиса от палящих солнечных лучей.

Возле палаток Юрий построил небольшую кухню, где готовились однообразные и несоленые блюда.

Каждый день у людей появлялись неотложные заботы: мужчины пересаживали кусты, ограждающие оазис от пустыни, копали каменистый грунт, подготавливая ниву, поливали молодые деревья. Женщины шили одежду, варили еду.

Дни текли один за другим. Люди потеряли им счет, забыли о календаре. Не считали дней, недель, месяцев. Здесь не было ни осени, ни зимы; казалось, всегда стояло горячее сухое лето и никогда не шел дождь.

Как-то мужчины решили пойти на разведку вглубь пустыни и вернулись только через неделю. Возвращение мужчин превратилось в настоящий праздник.

— Мы принесли соль! — сказал небритый и обожженный

солнцем Ярослав, доставая из мешка темные комки.

— Соль! Это замечательная находка. Я сегодня сварю зеленый борщ из листьев, такой, как когда-то варила на Украине, — радостно сказала Мария.

Елена лизала комок и радовалась, как ребенок:

— Очень вкусно! Я проголодалась — давно не ела соленых блюд...

— Однако, мы наладили свое хозяйство. Есть и хлеб, и вода, и соль.

— Получается, что трудолюбивым людям нигде не страшно.. Честно признаться, я думал, что мы здесь погибнем, но...

— Говорят, трудно бывает лишь первые тридцать лет, а потом человек привыкает ко всему, — сказал Юрий.

— Даже камень мхом обрастает... а мы ведь живые люди...

* * *

Прошел год, а может, и два.

После четвертого урожая четверо жителей новой планеты торжественно отпраздновали день жатвы.

К этому дню уже подросли кусты живой изгороди, защищавшей оазис от сыпучих песков, и они засеяли большой участок поля.

Настал день, когда у них появилось свободное время, но привыкших к труду людей влекло к творчеству. Неподалеку от колодца Ярослав воздвиг крест, а на постаменте из мягкого камня вырезал барельеф Елены. Скульптор неумоимо работал над новыми творениями.

В тени под пальмами появилась новая скульптура женщины со скрипкой в руках. Моделью послужила Елена. Она с большим удовольствием ежедневно позировала, находя в этом истинное наслаждение.

На листах бортового журнала, найденного в ракете, Елена записывала ноты новой музыки, а Юрий свои стихи, в которых сравнивал пустыню с черноморскими степями.

Все чаще в оазисе слышалось пение и игра на скрипке. Новые марсиане любили музыку и искусство.

Однажды вечером, после концерта, когда костер освещал бронзовые лица сидящих вокруг людей, Елена мечтательно обратилась к своим друзьям:

— Мне кажется, я теперь счастлива. Я отдохнула и успокоилась от волнений и тяжелых переживаний там, на Земле. Мы в бесплодной пустыне собственными руками создали достойные условия для жизни. Быть может, у меня будет сын — сын, рожденный в пустыне. Я буду петь ему колыбельные песни, которые мне пела мать на далекой родине. Я буду рассказывать ему предания об Украине. А может, он вырастет здесь рыцарем-победителем?

— Да, Елена! В твоих словах для меня открылся великий смысл моей жизни! — решительно сказал Ярослав, обнимая жену...

ЗОЛОТЫЕ СИЛУЭТЫ

Караван двугорбых верблюдов остановился в скупой тени пальм. Два человека в белых одеждах и тропических пробковых шлемах, соскочив с «кораблей пустыни», бросили поводья погонщикам-арабам и направились вглубь оазиса к белому шатру. Путешественники удивились, увидев величественную скульптуру молодой женщины со скрипкой.

— О, да это настоящее произведение искусства, достойное Лувра! — воскликнул среднего возраста человек.

— Интересно, как она оказалась здесь? — сказал его спутник.

— Трудно ответить на этот вопрос. Но, кажется, здесь мы сможем снять нужны кадры.

— Как оператор, могу сказать, что местность вполне соответствует моим требованиям, — отозвался младший.

— Наверное, здесь произошла какая-то невероятно романтическая история и... О! — удивленно воскликнул человек с русой бородкой, не закончив своей реплики, взглянул на тропу и тихо добавил: — Если только это не мираж...

К ним приближалась очаровательная женщина в белом одеянии, со скрипкой в руках.

— Смотрите, мосье Жако, сама модель идет к нам.

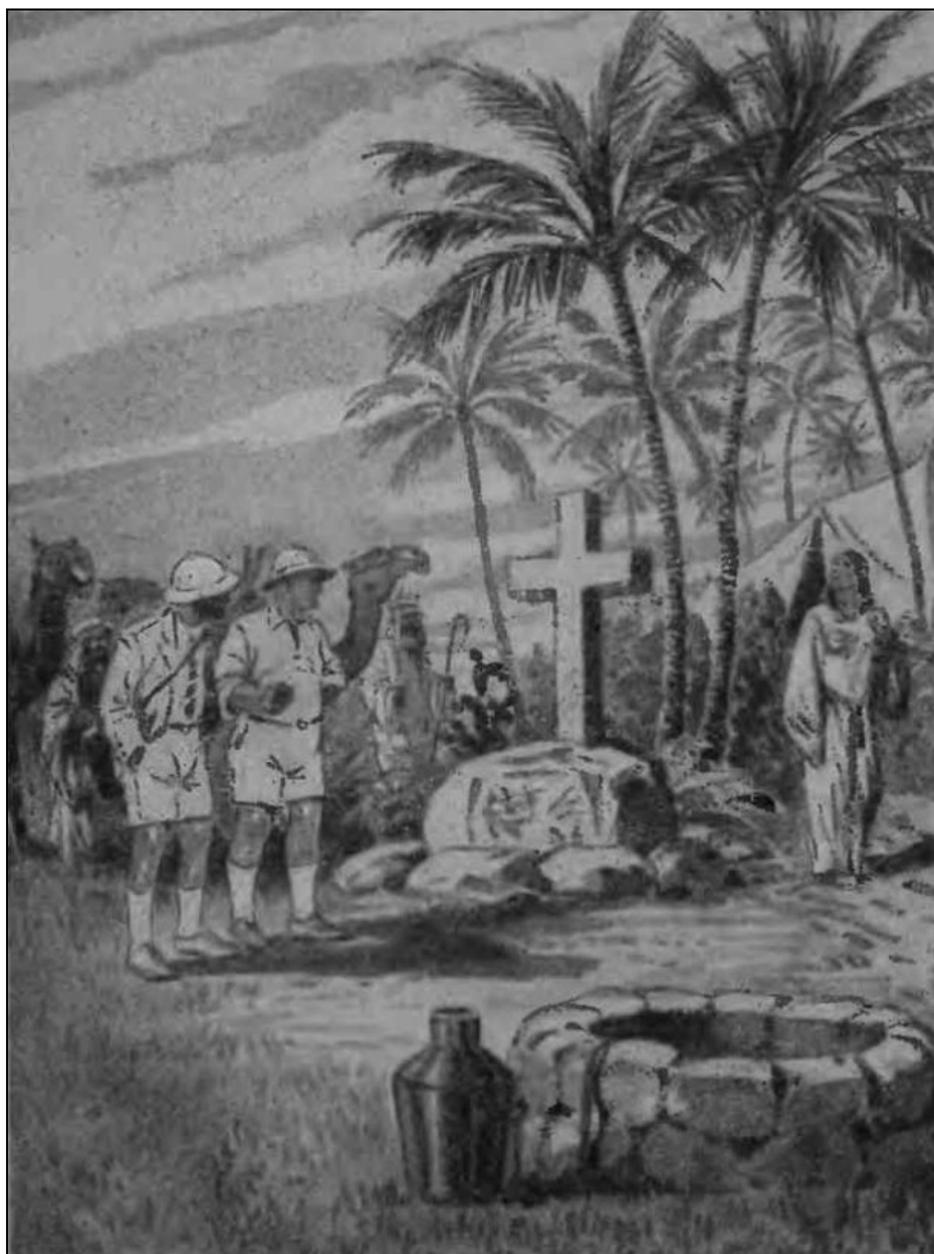
Путешественники-кинематографисты пошли навстречу Елене Ярош.

— О, я никогда не ожидал встретить в центре пустыни такую прекрасную женщину, — сняв шлем и низко поклонившись, сказал первый на французском языке.

— Добрый день! — певуче ответила изумленная Елена.

— Позвольте представиться. Режиссер Мартель, а это мой друг — кинооператор Жако.

— Очень приятно встретить первых культурных марсиан. Однако, странно... там, на Земле, так говорят во Франции, — отве-

К ним приближалась очаровательная женщина в белом одеянии, со скрипкой в руках.

тила Елена на французском.

— Я говорю на языке своих родителей. Я настоящий француз, — недоуменно объяснил режиссер.

— Вы тоже прилетели на ракете?

— Нет... сначала мы плыли на пароходе, а после ехали на верблюдах.

— Давно вы покинули Землю?

— Землю?! — изумился режиссер. — Беру на себя смелость заверить вас, очаровательная госпожа, что мы никогда не оставляли нашу старую планету.

— Довольно шутить. Ведь мы находимся на Марсе! — решительно произнесла Елена.

— Вовсе нет! К счастью, мы находимся в самом центре пустыни, в Сахаре!

— Сахаре?! Неужели мы никуда не улетели и очутились на прежней неустроенной Земле? — удивленно и недоверчиво, с нескрываемым ужасом спросила Елена Ярош.

Слова незваных гостей показались ей звоном разбитой прекрасной легенды, которую она создала, в которую поверила. И теперь это все уничтожено. Нет больше замечательного мифа о Марсе. Как воспримут это известие Ярослав и ее друзья? Елена была недовольна прибытием в оазис французской киноэкспедиции, нарушившей их покой и душевное равновесие.

— Осмелюсь заверить вас, что вы ошибались, — сказал Мартель, пытаясь прервать напряженное молчание.

Ему хотелось поскорее приподнять таинственную маску, что скрывала эту заинтриговавшую его историю.

— Ошибка! Но какая великолепная ошибка! Мы искренне верили в это, а вы все разрушили и пытаетесь уничтожить мою веру. Зачем вы пришли сюда? — с упреком сказала она.

— О, мадемуазель! Кто вы и почему с таким упорным скептицизмом относитесь ко всему земному? Можете ли вы удовлетворить мое любопытство? — спросил режиссер.

— Прошу... если вас интересует моя история. Года три назад мы начали это путешествие, которое может показаться вам даже слишком фантастическим. Где-то на территории Германии мы сели в ракету, и нами выстрелили в направлении Марса. Затем мы оказались здесь. Обломки ракеты вы сможете увидеть в пустыне, в нескольких километрах отсюда.

— Фантастика! Прекрасно! Это так интересно и замечательно! — завопил от восторга мосье Мартель. — Мы очень просим вас рассказать подробней о вашей жизни.

— Мы также найдем вашу ракету и снимем ее, — добавил оператор.

— Прошу в наш дом. В шатре вы найдете тень и разделите с нами наш скромный полдник, — пригласила Елена, знакомя их с подошедшими в эту минуту жителями селения. — Это мой муж, в прошлом скульптор — теперь деклассированный и универсальный человек, в смысле жизни в пустыне.

— Это, наверное, ваше произведение? — спросил Жако, указывая на скульптуру.

— Да. Я высек ее в свободное время.

Они пошли к белому просторному шатру. Мария накрыла низенький стол шелковой скатертью и, словно по восточному обычаю, поставила глиняные миски с финиками, фигами, пшеничными лепешками.

— Прошу полдничать, господа, — пригласила Елена, разливая пальмовое вино.

— Будем здоровы! — поднял бокал Ярослав.

— За ваше здоровье и кинематографические успехи, — чуть улыбнулась Елена.

— Будем здоровы! Но меня так взволновало ваше повествование, я потерял всякий аппетит... Расскажите, кто вы? Я где-то видел ваш портрет.

— Я — скрипачка Елена Ярош.

— Ярош?! Не собирались ли вы приехать на гастроли в Париж?

— Вы, наверное, слышали о моей сестре, актрисе Марии Ярош. Я тоже должна была выступить в Париже, но помешала война.

— Что же с вами случилось? Почему вы выбрали такой необычайный маршрут?

— Во время войны нас привезли на принудительные работы в Германию. Мы пытались бежать в Швейцарию, а затем в южную Францию, где жила моя сестра. Но нас задержали в Альпах и приговорили к смерти. Однако... с тех пор я верю в Его Величество Случай! Произошла невероятная неожиданность. Вместо расстрела нам предложили принять участие в рискованном испытании новой машины... нам оставалось немедленно принять смерть — или это предложение. Мы выбрали последнее и отправились в полет, а дальше я не знаю, что с нами произошло...

— Испортился ракетный двигатель, — добавил Ярослав.

— Тогда мы спустились здесь, но все время думали, что долетели до Марса. Сначала терпели страшную нужду, пока не нашли этот оазис, потом добыли воду и создали то, что вы видите сейчас...

— Вот, вкратце, наша история. Мы горим страстным желанием узнать, что произошло в Европе. Кончилась война? Какие порядки теперь на Украине? — волнуясь, спросила Елена.

— Война закончилась поражением Германии.

— Мы надеялись на это. А дальше?

— На вашей родине, мне кажется, не произошло никаких изменений...

Побледнели и затряслись губы Елены Ярош. Погас огонек надежды в глазах. И она огорченно опустила голову...

— Мы сделаем все возможное и постараемся помочь вам в трудном положении. Дадим верблюдов, чтобы вы смогли вернуться назад, в цивилизованный мир, — с готовностью предложил Мартель.

— Тяжелое положение?! Почему вы так думаете? — удивилась Елена.

— Это само собой разумеется. Ведь после всего того, что про-

изошло, вы, конечно, хотите как можно скорее вернуться в Европу.

— Благодарю за ваше любезное предложение! Но мы, пожалуй, останемся здесь, — сказала она и, обратившись к друзьям, спросила: — Что скажете, друзья мои?

— Да, Елена! — согласно кивнул Ярослав. К нему присоединились Мария и Юрий.

— Неужели вас — талантливую скрипачку, — влечет эта дикая экзотика и примитивная жизнь в бесплодной пустыне? — изумился гость.

— Разве наш замечательный оазис кажется вам бесплодной пустыней? — обиделась Ярош. — Пойдемте, я покажу вам наш сад, поле. После пережитой жизненной бури мне кажется, что нигде нет уголка лучше.

Живописная группа из шести человек вышла из шатра, направляясь к полю, где зрели колосья пшеницы.

— Что вы видите?

— Какое-то поле... кажется, пшеница, — удивленно ответил Мартель.

— Да. Это действительно пшеничная нива, — сказала Елена Ярош, и в подчеркнутом тоне ее голоса звучала преданная любовь. — Не просто «какое-то поле», как вы выразились. Для нас оно намного важнее. Каждый кусочек земли отвоеван нами у пустыни. Создана новая почва. Эти цветущие деревья и пальмы были похожи на туберкулезных больных, пока мы не построили систему искусственного орошения. Это была тяжелая работа.

— Труд строителей пирамид! — воскликнул Мартель.

— Мы не говорим, что было легко. Но мы ощутили радость, достигнув цели. Ведь у человека, где бы он ни был, всегда есть какие-то желания или потребности, и он подчиняет все прочее достижению цели...

— Да. Вы правы. Мы ведь живем в век поразительных изобретений. Теперь наступает век атомов. Атомное оружие принесло победу над Японией. У человечества XX века немало достиже-

ний!

— Но стало оно счастливее? Вы с восторгом рассказывали о бомбах. Но я их ненавижу. Я испытала ужасы войны и разрухи, дважды пережила так называемое «освобождение». Вам, французам и иностранцам в целом, непонятно это слово в таком широком смысле, как нам — украинцам. Мы не раз стояли на пороге Нирваны — этого таинственного потустороннего мира, и... представьте себе — Европа теперь нас совсем не интересует. Меня ужасает одна мысль о том, что мы находимся на Земле. Что человеку нужно? — спросила Елена Ярош у французов, но они были застигнуты врасплох вопросом этой удивительной украинки. Тогда она сама ответила на собственный вопрос: — Очень и очень немного. В пустыне я воспрянула душой и телом. Здесь я узнала чистое счастье и радость материнства. Эта пустыня является теперь родиной моего ребенка. Мы не забываем и об искусстве. Я часто играю на скрипке, и здесь она звучит особенно торжественно. Я играю только тогда, когда сама хочу, когда мы с друзьями испытываем потребность в музыке, а не по прихоти чужой и неблагодарной толпы... Мой муж работает, когда ощущает потребность в этом — и тогда он познает радости или муки художника. Всем нам дарит радость природа, когда мы работаем на ниве или собираем плоды в нашем саду. Все это — обычные радости самого процесса жизни...

Мартель пристально всматривался в черты взволнованного женского лица. Оно казалось словно отлитым из бронзы. «Какое замечательное лицо, — размышлял он. — Видел ли ты — известный режиссер, — такое необычайное, насыщенное духовными переживаниями лицо?» И образы актрис из его лучших фильмов — «Золотая свадьба», «Вечерний Париж» — казались бледными, как выжатый лимон, по сравнению с лицом Елены Ярош.

— Какая вы удивительная, — страстно проговорил он. — Ваша фантастическая, даже в наше время, история очень взволновала и заинтересовала меня. Если позволите, я напишу сценарий нового фильма. Предлагаю вам главную роль. Это будет захваты-

вающий фильм, он удивит весь мир! Я подпишу с вами выгодный контракт на миллион франков. Вас ждет блестящее будущее. Отвечайте — согласны?

— Вы предлагаете деньги... Но они не нужны мне. Здесь, в пустыне, нет магазинов, где их можно потратить. Мы живем без денег и счастливы этим. Мы избавлены от печальной необходимости их зарабатывать. Мы не покупаем билеты в трамвай или на концерт. Не платим за квартиру или отопление, освобождены от обязанности приобретать зимнюю одежду, мы не знаем про довольственных карточек и, самое главное, ужаса политической полиции.

— Странно! Вы вполне сознательно отказываетесь от прекрасного предложения, которое сделало бы счастливой лучшую женщину вселенной. Если не ради денег, то согласитесь ради славы — вы ведь хотите стать знаменитостью?

Елена Ярош прислушивалась к звукам, доносящимся из пустыни. Погонщики-арабы пытались уложить на песок обеспокоенных верблюдов.

— Это поет пустыня. Ветер поднимает песок. Будет песчаная буря — самум. Она иссушает мозг... Пойдемте в шатер. Обычно в такие дни мы слушаем музыку...

Как чайка взлетела ее белая рука, смычок коснулся струн скрипки, и волшебная мелодия наполнила шатер. Она играла бодрые мотивы и трагические песни, связанные с историей ее народа.

В думах, в народных песнях, привезенных в пустыню из далекой Украины, чувствовалась несказанная тоска по родине.

Не понять было чужаку жертвенности этой музыки. Но он, полный вдохновения, набрасывал сцены нового фильма.

— Очень благодарен за прекрасную музыку! Еще раз предлагаю вам — одумайтесь. Взвесьте мое предложение. Не тратьте здесь впустую свое дарование. Не самому же слушать такую замечательную музыку.

— Нет. Я добровольно решила на время уйти из той жизни, потому что претерпела очень много обид... Я поклялась перед Богом... что вернусь в степи отчизны, куда летят мои мечты, но, господин Мартель — еще не время... еще не время... Здесь, в пустыне, я научу сына любить, а когда он вырастет, то и бороться за мою родину...

— Подумайте!

— В конце концов, это мое личное дело!

— Жаль! Я отдал бы многое, чтобы вы отказались от своего решения. Подумайте!

— Нет, — отрезала Елена Ярош.

* * *

Прошло три дня. Неожиданные гости, нарушившие покой жителей оазиса, готовились к отъезду.

Печально и одинаково перекликались колокольчики верблюдов, доносились такие же монотонные выкрики погонщиков.

— Суета сует... — сказала Елена, наблюдая за сборами каравана.

Жако заканчивал снимать ее скульптуру новеньким блестящим аппаратом «Дебри».

Режиссера Мартеля мучила лихорадка. Он, с обвязанной мокрым полотенцем головой, зашел в шатер.

— Прощайте, Елена! Вам больше нечего мне сказать?

— Прощайте, господин Мартель. Удачи вам в пути...

Солнце клонилось к закату, и его последние лучи золотили шелк палатки. На нем, как на экране, появились кукольные тени каравана верблюдов. Караван спускался с песчаной дюны. Печально, постепенно затихая, звенели колокольчики.

— Ярослав! — обрадованно воскликнула Елена, обращаясь к мужу. — Мне кажется, это был мираж. Мне так хочется, чтобы

это было лишь видением.

— Да, любимая Елена! Все это был только мираж, — ответил Ярослав, поднимая на руки позолоченного солнцем сына.

Смолкли колокольчики. Исчезли верблюды. Горячий ветер заметал следы каравана и звенел песчаными струнами. Им подпевали струны скрипки...

Апрель 1947 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Перевод сделан по первому изданию: Гай Владимир. Мандрівка в безвість: Фантастична повість. Регенсбург: Універсальна бібліотека, 1947 (Бібліотека пригод на суходолі, на морі і в повітрі). Илл. К. Кузнецова.

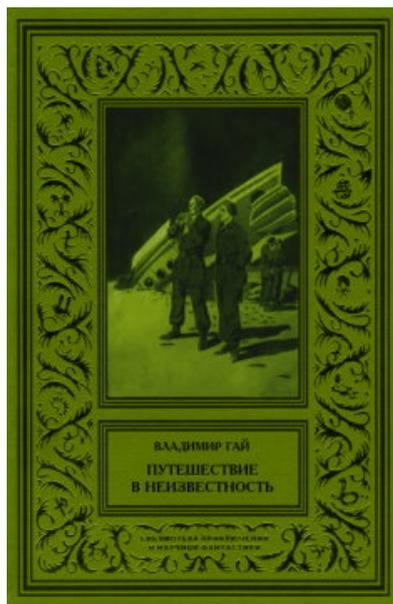
Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 10

Владимир Гай

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Любое коммерческое использование издания запрещается.